

Публикация А. И. Савина

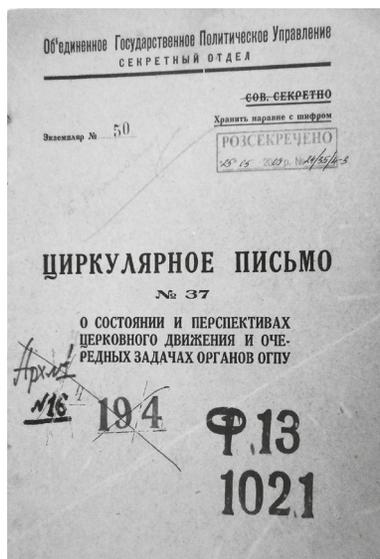
Сталинский зигзаг в религиозной политике в свете циркулярного письма № 37 ОГПУ при СНК СССР (март 1930 года)

Архивная революция 1990-х гг. привела к вводу в научный оборот целых комплексов ключевых документов, посвященных истории церковно-государственных отношений в Советской России и СССР, таких как тематические дела Политбюро ЦК РКП(б), посвященные кампании по изъятию церковных ценностей¹, или протоколы Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) — ВКП(б)². Несмотря на ухудшение ситуации в области доступности архивов, историки тем не менее продолжают выявлять и публиковать новые важные документы, которые в состоянии если не изменить, то существенно скорректировать наши представления о религиозной политике советского государства, в первую очередь о роли органов государственной безопасности в деле борьбы с религиозными организациями. В качестве примера таких публикаций следует назвать докладную записку М. И. Ладиса 1920 г. (документ выявлен М. Ю. Крапивиним)³ или «Спецсообщение о церковниках и сектантах», адресованное И. В. Сталину в конце ноября 1937 г. Н. И. Ежовым (документ выявлен В. Н. Хаустовым и Л. Самуэльсоном)⁴.

К числу ключевых документов, несомненно, относится циркулярное письмо от 22 марта 1930 г. № 37 Секретного отдела ОГПУ при СНК СССР «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ». Совершенно секретный циркуляр, изданный типографским

***Савин Андрей
Иванович***

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

способом в виде небольшой девятистраничной брошюры для специального пользования⁵, был выявлен нами в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины (г. Киев). Судя по тому, что на сохранившейся в архиве брошюре имеется пометка «экз. № 50», было напечатано не менее полусотни экземпляров. Авторами циркуляра являлись главный специалист органов госбезопасности по вопросам церкви, помощник начальника Секретного отдела (далее — СО) ОГПУ СССР Евгений Тучков и его подчиненный, начальник 6-го отделения СО ОГПУ СССР Иван Полянский. Под циркуляром также стоят подписи начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР Ефима Евдокимова и заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды.

Циркуляр являлся реакцией руководства ОГПУ на изменение политической линии ЦК ВКП(б), которое стало следствием выхода в свет 2 марта 1930 г. статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения». Временное отступление власти на фронте сплошной коллективизации также привело к осуждению практики администрирования в деле борьбы с религией. Массированная атака на церковь вызвала резкую негативную реакцию населения, выразившуюся в массовых жалобах, женских «волынках», физическом сопротивлении закрытию церквей и антиколхозных выступлениях. Стало ясно, что попытка решить «религиозный вопрос» кавалерийским налетом, под лозунгом о несовместимости коллективизации и церкви, не удалась.

В этой ситуации сталинская власть предпочла отступить на время, и в результате не первый и не последний раз в советской истории возникла точка бифуркации, которую можно классифицировать как зигзаг, характеризовавшийся временным смягчением политики кирхенкампа и определенной степенью либерализации взаимоотношений между государством и церковными организациями. Характер маятниковых колебаний политического процесса, в том числе в религиозной сфере, диктовался в значительной мере широким применением феномена так называемого перегиба. Сталинская власть сознательно поощряла ретивых перегибщиков, добиваясь выполнения с их помощью поставленных задач, будь то «выбивание» хлеба, проведение раскулачивания, ликвидация церквей или уничтожение «бывших». Кроме того, с помощью перегиба тестировались границы возможного на данный момент. Вслед за окончанием очередной кампании следовало выборочное наказание перегибщиков (как правило, относительно мягкое), при разыгрывании центральной властью карты «эксцессов на местах» и «восстановления социалистической законности».

Политическая ситуация марта 1930 г. не стала исключением. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном

движении» административное закрытие церквей «без согласия подавляющего большинства села, ведущее обычно к усилению религиозных предрассудков», характеризовалось как «совершенно недопустимое искривление» политики партии «в области борьбы с религиозными предрассудками». Теперь решение сходов о закрытии церквей подлежало утверждению краевыми (областными) исполкомами, а виновные в «издевательских выходках в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок» должны были привлекаться к «строжайшей ответственности»⁶.

Руководство ОГПУ при СНК СССР было обязано незамедлительно отреагировать на зигзаг в религиозной политике партии, так как органы госбезопасности уже давно превратились в главный инструмент борьбы с религиозными организациями. Тучков и Полянский оперативно справились с поставленной задачей, и уже 22 марта 1930 г. циркуляр был утвержден Ягодой и разослан на места. Сразу же стоит обратить внимание, что текст циркуляра не сводится только к конкретным указаниям о том, как должны действовать в новых условиях чекистские аппараты на местах. Около трети циркуляра занимают описание и анализ результатов деятельности органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ в отношении Русской православной церкви в период Гражданской войны и нэпа. Такая пространная преамбула означала только одно — авторы циркуляра несомненно ощущали переломный характер момента и сочли нужным подвести итоги «работы по церковникам». Признавая невозможность ликвидировать церковь, «куда входило многомиллионное крестьянство», «административно-оперативным путем» в 1920-е гг., они констатировали, что главная задача органов госбезопасности в период нэпа заключалась в расколе церкви, «чтобы тем самым ослабить ее, подчинить нашему влиянию, уменьшить ее мощь... и подорвать авторитет и значение»⁷. Политика «разделяй и властвуй» оказалась настолько удачной, что органы ОГПУ фактически стали, как говорится в циркуляре, полными «хозяевами положения в церкви»⁸.

На вопрос, который не звучит в циркуляре, но тем не менее присутствует подспудно, — «Почему органы ОГПУ отказались в последнее время от такой успешной стратегии?» — авторы отвечают, ссылаясь на то, что в условиях «социалистической реконструкции народного хозяйства» церковь вновь, как и в годы Гражданской войны, якобы встала на «путь создания нелегальных организаций, ставящих себе целью свержение соввласти путем вооруженного восстания»⁹. Такая ситуация открытого противостояния обусловила доминирование прямых репрессивных мер в борьбе с церковью. Кроме того, репрессии периода коллективизации трактуются в циркуляре как органичное продолжение деятельности органов «по выявлению и изъятию как отдельных антисоветских церковников, так и организаций и групп» в 1920-е гг. В результате описание повстанческой деятельности церковных организаций в 1929 г. занимает еще треть текста.

Наибольший интерес представляет заключительная часть циркуляра. Подтвердив необходимость ликвидации «центров церковной контрреволюции» в интересах «социалистического переустройства деревни», циркуляр тем не менее признавал неудачу попытки ликвидировать церковь «в какой-то определенный срок и только одними административными мерами»¹⁰. По сути, вся финальная часть текста представляет собой реабилитацию агентурных методов борьбы с религиозными организациями в противовес грубым насильственным мерам, применявшимся

в ходе первого натиска коллективизации. Вслед за партией руководство ОГПУ потребовало от подчиненных прекратить практику массового закрытия церквей в административном порядке. В будущем, говорилось в циркуляре, «необходимо всю работу органов ОГПУ в этой области поставить так, чтобы каждому закрытию церкви предшествовала обязательно серьезная и большая чекистская подготовка, ведущаяся параллельно мероприятиям партийного и общественного порядка». В том числе чекисты должны были организовать процесс выселения служителей культа, оставшихся после закрытия культовых зданий. Тех, на кого имелись компрометирующие материалы, следовало выселять в принудительном порядке решением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ, остальным же священнослужителям следовало «тактично предлагать через наши органы выселяться собственными средствами из сел и деревень, которые коллективизируются, переезжая или в города, или в районы, где нет сплошной коллективизации»¹¹.

Общее требование возврата к мерам «агентурного характера» подкреплялось конкретными указаниями о том, как в условиях «революции сверху» чекисты должны использовать осведомителей и агентов из числа священнослужителей. Главным лозунгом момента стало сохранение, т. е. защита от репрессий и высылки, наиболее ценных осведомителей. Что же касается остальной агентуры, то чекисты не должны были терять с ней связь даже после высылки и использовать «по назначению» на новом месте жительства. Публичное снятие сана священниками-агентами рекомендовалось производить «лишь в том случае, если этот акт может сыграть крупную положительную политическую роль в деле развала и дискредитации церкви, либо в тех случаях, когда наши агенты провалены или потеряли всякую ценность в работе по церковникам»¹². После получения циркуляра все периферийные органы ОГПУ должны были приступить к активизации имевшейся агентурной сети и агентурных разработок по «церковникам». «Надо поставить работу так, — говорилось в циркуляре — чтобы обеспечить спец[иальной] агентурой все группировки реакционных церковников, все подпольные церкви и т. п.»¹³

Показательно, что в циркуляре подчеркивалось различие церковной политики в районах сплошной коллективизации, уже зачищенных от церкви, и в остальных местностях Советского Союза. В последних приоритет по-прежнему отводился специфическим чекистским приемам, нацеленным на создание и поддержку конфликтных отношений внутри религиозных организаций и между ними. Завершался циркуляр следующей констатацией: «Наша церковная политика, основной задачей которой является всемерное разложение церкви путем стимулирования церковного раскола, должна и впредь проводиться с такой же последовательностью и настойчивостью, как и раньше...»¹⁴

Органы ОГПУ на практике продемонстрировали возвращение к политике раскола церкви в ходе очередной кампании по перерегистрации религиозных общин и объединений, повсеместно проводившейся весной 1930 г. Руководство СО ОГПУ в лице начальника отдела Я. С. Агранова и его помощника Е. А. Тучкова потребовало от своих подчиненных связать эту кампанию «с проводимой... работой по церковникам», и «в процессе перерегистрации использовать все агентурные возможности, ведущие к углублению раскола за счет других течений... к ослаблению религиозного движения среди населения»¹⁵. Ряд чекистских аппаратов на

местах, вяло отреагировавших на директиву центра, подверглись резкой критике со стороны Е. А. Тучкова, которому в результате удалось направить кампанию по перерегистрации религиозных организаций в требуемое русло.

Можно предположить, что циркулярное письмо № 37 определило основную линию поведения органов государственной безопасности в отношении не только Русской православной церкви, но подавляющего большинства остальных конфессий вплоть до начала большого террора, когда вновь была предпринята попытка, в наикратчайший срок «окончательно» решить религиозный вопрос в СССР исключительно репрессивными мерами.

В публикации сохраняются орфографические, пунктуационные и стилистические особенности оригинала. Также воспроизведены выделения полужирным текстом в тексте циркуляра. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

**Циркулярное письмо Секретного отдела ОГПУ СССР № 37
«О состоянии и перспективах церковного движения
и очередных задачах органов ОГПУ»**

г. Москва

22 марта 1930 г.

Сов[ершенно] секретно
Хранить наравне с шифром

Циркулярно
Всем П[олномочным] П[редставительствам] ОГПУ, ГПУ Республик,
Обл[астным] и Окр[ужным] Отделам ОГПУ.

Гигантский размах социалистического строительства в СССР, бурное развитие колхозного движения и процесс ликвидации кулачества как класса, требуют в настоящее время некоторого изменения в проводившейся до сих пор работе по церковникам.

В связи с обострением классовой борьбы, многие церковные организации далеко вышли из рамок той деятельности, которой они занимались ранее, и превратились в явно антисоветские организации, ставящие перед собой определенные политические цели.

Этот процесс особенно резко проявляется в деревне, где церковники нередко являются руководителями контрреволюционных организаций и группировок и организаторами и вдохновителями кулацких выступлений.

Церковь, являясь по существу контрреволюционной организацией и выразительницей интересов социальных слоев, враждебных пролетарской диктатуре, всегда проводила свою реакционную работу в зависимости от той обстановки, какая складывалась для нее в тот или иной период.

В период военного коммунизма, во время гражданской войны, когда классовая борьба имела особо острый характер, [Русская православная] церковь, представлявшая тогда собой единую реакционную организацию, совершенно открыто участвовала во всех белогвардейских контрреволюционных движениях и заговорах.

Последнее открытое контрреволюционное выступление церкви, проведенное ею в расчете на фанатизм верующей массы, особенно крестьянской, под лозунгом защиты церковных ценностей в 1922 г., окончилось тяжелым для нее поражением. Крестьянство за церковь не пошло.

„УТВЕРЖДАЮ“:
Зам. Председателя ОГПУ Г. Ягода.

Сов. секретно.
Хранить наравне с шифром.

Экз. № 50

ЦИРКУЛЯРНО

Всем пп ОГПУ, ГПУ Республик, Обл. и Окр. Отделам ОГПУ

Гигантский размах социалистического строительства в СССР, бурное развитие колхозного движения и процесс ликвидации кулачества, как класса, требуют в настоящее время некоторого изменения в проводившейся нами до сих пор работе по церковникам.

В связи с обострением классово-борьбы, многие церковные организации далеко вышли из рамок той деятельности, которой они занимались ранее, и превратились в явно антисоветские организации, ставящие себе определенные политические задачи.

Этот процесс особенно резко проявляется в деревне, где церковники нередко являются руководителями контр-революционных организаций и группировок и организаторами и вдохновителями массовых кулацких выступлений.

Церковь, являясь по существу контр-революционной организацией и выразительницей интересов социальных слоев враждебных пролетарской диктатуре, всегда проводила свою реакционную работу в зависимости от той объективной обстановки, какая складывалась для нее в тот или иной период.

В период военного коммунизма, во время гражданской войны, когда классовая борьба имела особенно острый характер, церковь, представлявшая тогда собой единую реакционную организацию, совершенно открыто участвовала во всех белогвардейских контр-революционных движениях и заговорах.

Последнее открытое контр-революционное выступление церкви, проведенное ею в расчете на фанатизм верующей массы, особенно крестьянской, под лозунгом защиты церковных ценностей в 1922 г., окончилось тяжелым для нее поражением. Крестьянство за церковь не пошло.

Успешное окончание гражданской войны, введение нэпа и укрепление советской власти заставили церковников в 1922 г. заняться пересмотром своей церковной политики. Церковники, убедившись на собственном опыте в невозможности непосредственной открытой контр-революционной борьбы с соввластью при отсутствии прочной социальной базы, были вынуждены перейти к тактике приспособленчества к советским условиям.

Путем новой тактики церковники хотели получить передышку в борьбе, которую они предполагали использовать для сохранения своих кадров, для восстановления церковной иерархии (администрации) и для работы по сплочению и активизации верующей массы.

Применение этой тактики было бы невозможно, если бы церковь осталась на прежних своих позициях: открыто-враждебной сов. власти организации.

Успешное окончание гражданской войны, введение нэпа и укрепление советской власти заставили церковников в 1922 г. заняться пересмотром своей политики. Церковники, убедившись на собственном опыте в невозможности непосредственной открытой контрреволюционной борьбы с сов[етской] властью при отсутствии прочной социальной базы, были вынуждены перейти к тактике приспособленчества к советским условиям.

Путем новой тактики церковники хотели получить передышку в борьбе, которую они предполагали использовать для сохранения своих кадров, для восстановления церковной иерархии (администрации) и для работы по сплочению и активизации верующей массы.

Применение этой тактики было бы невозможно, если бы церковь осталась на прежних своих позициях: открыто-враждебной сов[етской] власти организации. Поэтому церковники в целях получения возможности некоторой свободы действий, стали перестраиваться и издавать декларации, уверяющие сов[етскую] власть и верующую массу, что церковь отныне вполне лояльна по отношению к советской власти и не будет участвовать в к[онтр]р[еволюционной] деятельности.

Само собой понятно, что при определении нашей позиции к этой новой политике церковников, мы не исходили из их деклараций и заявлений, ибо ни наша партия, ни сов[етская] власть ни в какой степени не могли удовлетвориться этими «заверениями».

При определении нашего отношения к новой тактике церковников мы были вынуждены считаться с тем, что подавляющее большинство деревенского населения и даже часть бедняков были заражены религиозными предрассудками. Кроме того, церковь имела прочные обрядово-бытовые корни в деревне.

Естественно, что мы не могли при этих условиях административно-оперативным путем ликвидировать церковь, куда входило многомиллионное крестьянство. Поэтому перед нашими органами стала задача, использовать приспособленческие стремления церковников в целях внесения раскола в церковь, чтобы тем самым ослабить ее, подчинить нашему влиянию, уменьшить ее мощь как контрреволюционной организации и подорвать авторитет и значение ее для верующей массы.

Как известно, первым церковным течением, осознавшим необходимость перемены позиций, было течение обновленцев (живая церковь), основную массу которого составляли рядовые попы, материально зависящие от крестьянства и непосредственно убедившиеся в невыгодности для себя и церкви продолжения открытой контрреволюционной политики при том сочувственном отношении крестьянства к советской власти, которое они наблюдали, находясь в деревне.

Таким образом, в силу создавшейся объективной обстановки, обновленцы были вынуждены пойти на раскол со старой церковью и даже вести с ней борьбу, разоблачать контрреволюционную роль духовенства и тем самым подрывать авторитет его и авторитет церкви. Примерно через год после возникновения этого течения начался постепенный переход к новой тактике и патриарха Тихона, который также, как и обновленцы, стремился приспособиться к новой обстановке. Эта эволюция Тихона, как и факт возникновения других церковных течений (ВВЦС¹⁶, сергиевцы¹⁷) никаких коренных изменений в религиозные основы православной церкви не внесли. Моментом, отличающим обновленческое течение, как и ВВЦС от тихоновской, ныне сергиевской церкви, является лишь вопрос о форме управления церковью (соборность — у обновленцев и ВВЦС, и патриаршество — у Сергия).

В период образования этих течений наши органы ускоряли их возникновение и путем целого ряда мероприятий содействовали расколу церкви, дробили ее на взаимно враждующие между собой группы, тем самым подрывая единство и мощь церкви, делая ее менее опасной и дееспособной.

Наряду с этим, наши органы добивались такого положения, чтобы ни одно мероприятие церковников, имеющее сколько-нибудь политическое значение, не проходило без нашего негласного руководства.

Эти основные установки в нашей работе по церковникам сопровождались всегда целым рядом наших чекистских, комбинированных мероприятий, в результате которых церковники проводили в желательном нам направлении свои съезды, писали декларации, издавали послания и т. д.

Посредством той же системы мероприятий нами была проведена большая политическая работа по расколу русской церкви за границей, и перенесено в среду церковников эмигрантов

такое же разделение на обновленцев и староцерковников. Мы раскололи староцерковников и по вопросу о подчинении московской патриархии.

В конечном счете мы оказались хозяевами положения в церкви настолько, что заставили церковников провести ряд мероприятий, заведомо им невыгодных (указы о церковнических карах за контр[революционную] деятельность, переводы и назначение церковников по нашим указаниям, продолжение непримиримой политики по отношению к другим течениям, заверения правительств иностранных государств в отсутствие каких-либо притеснений религии в СССР и т. д.). Наряду с политической работой нашими органами велась и оперативная работа по выявлению и изъятию как отдельных антисоветских церковников, так и организаций и групп, ведущих контрреволюционную работу под религиозным флагом.

Этой области работы мы постепенно уделяли весьма значительное внимание, так как церковники всех течений, даже изменив тактику, остались по существу непримиримыми врагами пролетарской революции.

Успешное восстановление и переход к социалистической реконструкции народного хозяйства нашей страны и обострившаяся классовая борьба в городе и деревне вновь оживили политическую активность церковников. Прежде всего проявилось стремление церковников к комплектованию своих органов управления (церковно-приходские советы) антисоветским элементом. Не довольствуясь этим, они создали целый ряд особых организаций актива при церквях, так называемые сестричества и братства. Используя для антисоветской агитации церковные амвоны, наиболее реакционные попы в проповедях стали задевать решительно все общественные и политические моменты в жизни Союза ССР. Вне церкви церковники начали вести агитацию о скорой гибели сов[етской] власти, призывали к срыву всех кампаний, проводимых сов[етской] властью и нашей партией в деревне.

Антисоветская агитация церковников ведется не только устно, но и письменно. Церковники выпускают большое количество антисоветских листовок. Особенно много их было выпущено в последнее время по вопросу об оценке церкви как антисоветской силы и о ее политике по отношению к совласти. Было несколько случаев выпуска нелегальных антисоветских журналов и газет, и даже несколько попыток организовать нелегальные типографии.

Характерным для нового периода контрреволюционной деятельности церковников является их переход на путь создания нелегальных организаций, ставящих себе целью свержение совласти путем вооруженного восстания.

Эта деятельность характерна для всех церковных течений, не исключая, между прочим, и тех из них, которые стояли ранее на точке зрения «лояльности». Причем церковники всячески зашифровывают свою антисоветскую работу, стараясь придать ей видимость религиозной борьбы.

Надо сказать, что к началу 1929 г. на путь активной борьбы с сов[етской] властью вступила лишь численно небольшая группа крайне правых церковников (сторонники митрополита Иосифа¹⁸, епископа Дмитрия Гдовского¹⁹ и др.). Однако, и эти элементы признавали невозможность при существующих условиях выступать открыто и агитировали за нелегальные методы борьбы и за переход на подпольное положение.

Стремясь сорвать наше социалистическое наступление на капиталистические элементы деревни, кулаки и белогвардейцы создали ряд контрреволюционных организаций и групп, пропагандировавших прямую открытую борьбу с сов[етской] властью под религиозным флагом.

Среди ликвидированных нами церковно-монархических организаций, как наиболее характерные, можно отметить следующие:

1) Организация «Имяславцев»²⁰ на **Сев[ерном] Кавказе**, ликвидированная ПП ОГПУ СКК. В первой группе этой организации, возглавлявшейся бывшими офицерами бр[атями] **Григоревичами**, было 20 белобандитов. Организация была построена по типу вооруженной банды; имела разведчиков, связистов, наблюдательные посты, явочные пункты. Были введены пароли, условные знаки, путевки. У организации имелось оружие и поддерживалась связь с бандитами. Вторая группа носила характер тщательно законспирированной подпольной организации, имела нелегальные монастыри с подземными ходами и руководилась епископом Варлаамом²¹, три года находившимся на нелегальном положении. Платформа организации сводилась к тому, что «безбожная» советская власть издевается над богом, что единственно приемлемой для России

формой правления является монархия, что монархические идеи должны распространяться, а с сов[етской] властью необходимо вести борьбу²².

2) Организация «Федоровцев»²³ в Ц[ентральной-]Ч[ерноземной] О[бласти], открыто призы- вавшая к бойкоту соввласти. Члены ее уклонялись от уплаты налогов и выполнения повинностей, объявляя, что «антихристовой власти» подчиняться не следует. Главари распространяли слухи, что «царское семейство» живо. Устраивались целые инсценировки «приездов наследника». Имелись трехцветные знамена с надписью «боже царя храни». Члены организации носили на плечах погоны с крестами.

3) Группы «краснодарконовцев»²⁴, ликвидированные в ряде районов СССР, носили явно контрреволюционный характер. По учению этих групп, революция и советская власть есть результат деятельности «красного дракона» (сатаны), а верующие — «единственная сила, могущая бороться с ним». Принадлежавшие к этим группам лица объявляли бойкот соввласти и отказывались от выполнения ее распоряжений.

На Украине так называемая «Украинская автокефальная православная церковь» (УАПЦ) принимала живейшее организованное участие в контрреволюционной деятельности «Союза освобождения Украины», который через церковь пытался оказать политическое влияние на крестьянство. Автокефальная церковь являлась местом концентрации значительного числа попов и др. служителей культа, бывших в прошлом петлюровскими офицерами, которые под флагом религии вели националистическую, контрреволюционную агитацию. «Союз освобождения Украины» ставил во главе УАПЦ своих людей²⁵.

Церковники остальных течений (сергиевцы, обновленцы, григорьевцы и автокефалисты), стоящие на платформе приспособленчества и легальной (т. е. разрешаемой) деятельности, были также сильно ущемлены социалистическим наступлением на капиталистические элементы. Закрытие молитвенных зданий, налоги на служителей культа, беспощадное применение института лишения очень быстро активизировали попов всех течений (в том числе и обновленческих). Они начали весьма активно сопротивляться этому. В районах сплошной коллективизации, где кампания ликвидации церквей идет энергичным темпом, мы можем констатировать, что принадлежность к различным церковным течениям не играет почти никакой роли в политических настроениях церковников: все попы представляют здесь озлобленных и активных врагов социалистического строительства и всякая разница между течениями здесь практически сглаживается.

Церковные центры еще ведут по инерции старую тактику «приспособленчества», но на них все более и более оказывает давление та острота классового борьбы, которая происходит в настоящее время. Церковно-кулацкие элементы требуют от этих центров обращения с петицией к правительству СССР по поводу «гонений на веру», объявления интердикта (поповская одновременная забастовка), обращения за защитой к архиепископу Кентерберийскому и даже к правительствам иностранных государств.

В настоящее время мы имеем своеобразный «**единый фронт**» против нас церковников всех течений. Формального объединения их хотя и нет и не должно произойти в будущем, но в силу создавшейся для всех них крайне невыгодной обстановки (закрытие церквей, налоги ликвидация кулачества и т. д.) церковники, несомненно, будут сопротивляться независимо от их ориентации.

За 1929 г. мы имеем значительное число волнений и выступлений в деревне на религиозной почве. Поводом к выступлениям и волнениям служит не только закрытие церквей, совершаемое в обход советского законодательства или сопровождающееся головоутиемством, но и законное закрытие, правильно организованное. Занятие под культурные надобности домов служителей культа, лишение их права голоса, отобрание наделов земли, обложение их во время хлебозаготовительной кампании, налоги, укрепление радиоантенн на колокольных, снятие колоколов и т. д. — по всем этим поводам церковники организовывали антисоветские выступления и демонстрации.

Так как церковь в своей практической деятельности, прежде всего, опирается на кулацкие элементы, то в очень многих случаях волнения, возникавшие на религиозной почве по частному поводу, зачастую принимали явно антисоветский характер, превращались в демонстрации против хлебозаготовок, коллективизации, землеустройства и т. п.

Все это происходит потому, что церковь, представляющая собой одно из звеньев контр-революции, превратилась в настоящее время в своей подавляющей части в явно-политическую, антисоветскую организацию. Сейчас уже вполне оформился блок кулачества с церковью. Поэтому

в тех районах, где отсутствуют готовые руководители контрреволюционных организаций и выступлений (бывш[ие] белые офицеры, бывш[ие] главари банд, с[оциалисты]-р[еволюционеры] и др.), там обычно их заменяют церковники, становясь во главе этих организаций и выступлений. Причем церковники стремятся втягивать в эти выступления как можно больше женщин как элемент более религиозный и менее подвергаемый репрессиям.

Поэтому социалистическое переустройство деревни и ликвидация кулачества как класса ставит перед нами задачу о ликвидации организующих центров церковной контрреволюции и тех кулацких и белогвардейских элементов, которые группируются вокруг церкви и могут организовать кулацкое сопротивление и борьбу против соввласти.

Конечно, эта наша работа не должна быть проведена в какой-то определенный срок и только одними административными мерами. Она должна будет идти таким путем, чтобы не создавать нам лишних осложнений и затруднений в нашем социалистическом строительстве.

Закрытие церквей может быть производимо только в том случае, когда требование закрытия церкви или любого другого молитвенного здания будет исходить от подавляющего большинства населения. Фактическое же закрытие должно производиться лишь после утверждения решений сходов или собраний областными исполкомами. Практика закрытия церквей в административном порядке должна быть совершенно и решительно прекращена.

Такой порядок, несомненно, должен исключить стихийность в этом вопросе, придав ему необходимую в настоящих условиях организованность и планомерность. Надо принять меры к тому, чтобы при закрытии церквей эксцессы и волнения не могли иметь места. Случаи всевозможных головотяпств должны быть изжиты. За издевательские выходы в отношении религиозных чувств крестьян виновных привлекать к строжайшей ответственности.

При закрытии церквей необходимо исходить из того, чтобы в первую очередь, были закрываемы иосифовские и сергиевские церкви, затем ВВЦС'овские и, лишь в последнюю очередь, обновленческие.

До самого последнего времени закрытие целого ряда церквей сопровождается эксцессами. Это свидетельствует о том, что вопросы, связанные с ликвидацией молитвенных помещений, почти не прорабатываются ни органами ОГПУ, ни советскими и другими директивными инстанциями. Имея в виду, что закрытие молитвенных зданий будет также происходить и в дальнейшем, необходимо всю работу органов ОГПУ в этой области поставить так, чтобы каждому закрытию церкви предшествовала обязательно серьезная и большая чекистская подготовка, ведущаяся параллельно мероприятиям партийного и общественного порядка.

Служителей культа, оставшихся после закрытия церквей и других молитвенных зданий в районах сплошной коллективизации, необходимо постепенно выселять. В первую очередь, из указанных районов должно быть выселено через Особое Совецание при Коллегии ОГПУ все то духовенство, на которое будет иметься компрометирующий материал. Затем также постепенно необходимо будет выселить и тех наиболее вредных служителей культа, в отношении которых местные органы ОГПУ не будут иметь достаточных компрометирующих материалов и церкви которых оказались закрытыми. В последнем случае надо будет всем таким служителям культа тактично предлагать через наши органы выселяться собственными средствами из сел и деревень, которые коллективизируются, переезжая или в города, или в районы, где нет сплошной коллективизации.

В отношении служителей культа — осведомителей, проживающих в районах сплошной коллективизации, необходимо занять особую линию. **Надо ценных осведомителей сохранить там для дальнейшей работы по церковникам. Менее ценные осведомители, которые могут оказаться выселенными из районов сплошной коллективизации, не должны терять связь с органами ОГПУ. Их надо будет использовать в качестве осведомителей и в новом месте их жительства, сообщая о их переезде в соответствующие органы ОГПУ.** Что касается осведомителей — служителей культа, абсолютно бесполезных в смысле их работоспособности и ценности, то с таковыми должна быть порвана связь со взятием их на учет. К осведомителям-церковникам, оказавшимся по проверке двурушниками, необходимо применить строгие репрессии.

Если ранее нам по тактическим соображениям не всегда было выгодно поощрение духовенства к снятию сана, то теперь положение в этой области меняется. Усиление темпа закрытия церквей и др. молитвенных зданий по всему СССР и, особенно, в районах сплошной

коллективизации, создает такие условия, когда духовенство вынуждено само отказаться от сана, а некоторые из них даже порывать с религией.

Это положение нам сейчас необходимо использовать с максимальной эффективностью, как в районах сплошной коллективизации, так и в других районах СССР. Поэтому ОГПУ предлагает не препятствовать духовенству снимать сан. Причем это должно производиться обязательно публично, во время многолюдных церковных богослужений, а некоторых служителей культа можно даже тактично побудить и к отречению от религии. Но это последнее можно предпринимать лишь тогда, когда есть известные данные полагать, что тот или иной служитель культа безоговорочно на это пойдет. Все факты снятия сана надо освещать в местной печати. Надо принимать меры к тому, чтобы снятие сана не носило характера контрреволюционной демонстрации, рассчитанной на возбуждение религиозного фанатизма верующих. Снимающие сан сами должны подчеркивать безусловную добровольность этого акта и мотивировать его убеждением в своей правоте.

Надо, однако, иметь в виду, что снятие сана обновленцами должно производиться в последнюю очередь, снятие же сана нашими спец. агентами может производиться лишь в том случае, если этот акт может сыграть крупную положительную политическую роль в деле развала и дискредитации церкви, либо в тех случаях, когда наши агенты провалены или потеряли всякую ценность в работе по церковникам.

Само собой разумеется, что наши органы, как правило, никаких обязательств в смысле устройства на службу, восстановления в правах гражданства и проч[их] снимающим духовный сан попом не должны. Одновременно с закрытием церковей необходимо приступить к фактическому роспуску (через Адм[инистративный] отдел) и церковно-приходских советов закрытых церковей. К активным руководителям этих советов, являющихся по соц[иальному] положению кулаками, надо применять меры в общем порядке. В тех же районах СССР, где церкви еще будут известное время функционировать, церковно-приходские советы могут быть допущены к дальнейшему существованию, но численность их, как это предусмотрено законом ВЦИК от 8-го апреля 1929 г., не должна превышать 3-х человек. Вместе с тем нужно принимать меры агентурно-оперативного характера к тому, чтобы церк[овно]-прих[одские] советы не комплектовались из явно белогвардейских и черносотенных элементов.

Наряду с этим, необходимо будет сейчас же повсеместно приступить и к окончательной ликвидации бывших монастырей, там, где они еще существуют, преобразовавшись во всевозможного рода сельхоз. артели и товарищества. Все организаторы и руководители указанных артелей, а также все антисоветски настроенные монахи и монахини, на которых имеется обвинительный материал, должны быть высланы через Особое Сопровождающее при Коллегии ОГПУ. Все же остальные обитатели монастырей, при невозможности их использования на сельскохозяйственной работе, должны быть выселены в административном порядке. При решении вопроса о закрытии монастырей необходимо тщательно учесть политическую обстановку в деревне в районе расположения монастырей и производить закрытие лишь в том случае, если есть уверенность, что этот акт не вызовет эксцессов.

Отсутствие церковей и др. молитвенных помещений в том или ином районе не должно никоим образом стеснять отправлений верующим церковных обрядов: крещения, отпевания покойников, т[ак] н[азываемого] соборования и т. п. Эти обряды могут совершаться в частных домах по просьбе отдельных заинтересованных верующих специально приглашенными для этого служителями культа.

Что касается выселения духовенства из районов, где не проводится сплошная коллективизация, то из этих районов, как правило, никакого сплошного выселения духовенства производить не следует, хотя бы церкви, в которых служило это духовенство, и были закрыты.

Наше отношение к духовенству в районах, где не проводится сплошная коллективизация, должно оставаться прежним, т. е. мы не препятствуем им отправлять потребности культа, но, с другой стороны, высылаем внесудебным порядком тех из них, действия которых будут антисоветскими.

Разумеется, оперативная работа органов ОГПУ должна строго сочетаться с политической работой по церковникам. Прежде всего, мы не должны ни в коем случае допускать образования единого церковного фронта, могущего сопровождаться объединением всех ныне существующих церковных течений.

Эти течения (сергиевцы, обновленцы, григорьевцы, автокефалисты) должны быть сохранены и наше внимание к ним ни в коей мере не должно быть ослаблено. **Наша церковная политика, основной задачей которой является всемерное разложение церкви путем стимулирования церковного раскола, должна и впредь проводиться с такой же последовательностью и настойчивостью, как и раньше, ибо эта политика нам будет нужна как для воздействия на церковь в нужном для нас направлении здесь, на территории СССР, так и для разрешения целого ряда вопросов, связанных с православными церквями за границей.** Кроме того, ликвидация церковных организаций не означает еще ликвидации религиозных настроений. Эти настроения, несомненно, будут жить еще более или менее продолжительное время. У верующих останется стремление к отправлению религиозных обрядов (крестин, похорон и т. д.), которые, вероятнее всего, при отсутствии духовенства будут совершаться наиболее авторитетными верующими. Вероятно также превращение этих требоисправителей в служителей культа типа старообрядческих начетчиков.

Наша задача по отношению к этим начетчикам должна состоять в том, чтобы поддержать рознь и конкуренцию между ними, не давать расти авторитету отдельных начетчиков и т. д.

Органы ОГПУ должны принять решительные меры к усилению спец[иальной] агентуры среди церковников, к выявлению и ликвидации церковно-монархических — полулегальных и нелегальных — организаций. Особое внимание должно быть обращено на выявление участия церковников в террористических и повстанческих кулацких организациях и массовых выступлениях в деревне.

Надо поставить работу так, чтобы обеспечить спец[иальной] агентурой все группировки реакционных церковников, все подпольные церкви и т. п.

Все наши органы должны с получением настоящего циркуляра приступить к активизации имеющейся агентурной сети и агентурных разработок по церковникам²⁶.

Несомненно, что проведение вышеуказанной работы потребует значительного напряжения сил всей агентурно-осведомительной сети. Поэтому необходимо пересмотреть состав этой сети, проверить ценность, работоспособность и степень преданности каждого спец[иального] агента и осведомителя и усилить вербовку новой агентуры.

Данную работу следует провести в порядке выполнения циркулярного письма об агентуре, разосланного ОГПУ всем П[олномочным] П[редставителям] и Нач. О[особых] О[тделов] ОГПУ округов 18 января с. г.²⁷

В целях своевременной информации о деятельности церковников ОГПУ предлагает в декадных сводках сообщать следующее: о ходе закрытия церквей и других молитвенных зданий с обязательным освещением всех происходящих на этой почве эксцессов и выступлений; о снятии сана служителями культа; о появлении всевозможных церковно-антисоветских группировок, начетчиков, подпольных церквей; об участии и руководстве попами кулацкими волнениями, повстанческими вспышками и бандами; о ходе агентурных разработок и о всяких новых методах в церковном движении.

Подлинный подписали:

Нач[альник] С[екретно]-О[перативного] У[правления] ОГПУ Евдокимов²⁸.

Пом. нач. СО ОГПУ Тучков²⁹.

Нач. 6 отд. СО ОГПУ Полянский³⁰.

Утверждаю: Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода³¹.

С подлинным верно: секретарь СО ОГПУ Якимова.

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 13. Д. 281. Печатный экз. № 50.

¹ Архивы Кремля. Политбюро и церкви. 1922–1925 гг.: в 2 кн. / сост. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997.

² Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki). 1922–1929 / in Übersetzung hrsg. von Ludwig Steindorff, in Verbindung mit Günther Schulz, unter Mitarbeit von Matthias Heeke, Julia Röttjer und Andrej Savin. Reihe: Geschichte: Forschung und Wissenschaft. Bd. 11. Berlin, 2007; Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В. Лобанов. М., 2014.

³ Крапивин М. Ю. «Необходимо сделать все, чтобы унижить церкви в глазах народа». Докладная записка М. И. Лациса. 1920 г. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 91–102.

⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938. М., 2009. С. 407–414.

⁵ Циркулярное письмо № 37 «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ». М., 1930.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. 1925–1953. М., 1953. С. 550–551.

⁷ Циркулярное письмо № 37... С. 2.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Цит. по: Тулминс М. ВЧК. Война кланов. М., 2004, С. 108.

¹⁶ Временный Высший Церковный совет — коллегиальный орган григорианского раскола (по имени архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского)), создан в декабре 1925 г. при поддержке ОГПУ для захвата власти в РПЦ.

¹⁷ Сергиевцы — сторонники заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Сергия Старгородского (1867–1944), будущего патриарха Московского и всея Руси.

¹⁸ Речь идет о митрополите Ленинградском Иосифе (Петровых Иван Семенович, 1872–1937), руководителе движения противников в РПЦ политики митрополита Сергия (Старгородского) и его «Декларации 1927 г.». По имени митрополита Иосифа движение стало называться «иосифлянским». Петровых неоднократно подвергался репрессиям. В 1931 г. выслан в Чимкент сроком на пять лет. 19 ноября 1937 г. тройкой УНКВД по Южно-Казахстанской области приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Подробнее см.: Шкаровский М. В. Истинно-православные в Воронежской епархии // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Т. 19. С. 320–356.

¹⁹ Епископ Дмитрий (Дмитрий Гаврилович Любимов, 1857–1935), один из активных деятелей иосифлянского движения, архиепископ Гдовский в 1927–1935 гг. Арестован в ноябре 1929 г., в сентябре 1931 г. приговорен по делу «Всесоюзного центра Истинно-православной церкви» к высшей мере наказания с заменой на 10 лет тюремного заключения. Скончался в Ярославском политизоляторе.

²⁰ Имяславцы (имябожники) — представители религиозно-философского учения о сущности имени Божьего, распространенного в 1910-х гг. в философских кругах России. Учение имело определенное воздействие на иосифлян. Подробнее см.: Шкаровский М. В. Иосифлянтство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

²¹ Речь идет о епископе Варлааме (Лазаренко Григорий Яковлевич, 1879–1930), деятеле иосифлянского движения. Неоднократно репрессировался, в 1928–1929 гг. окормлял иосифлян Армавирского, Майкопского и Черноморского округов. Арестован в 1930 г., расстрелян в Майкопе.

²² В представлении Северо-Кавказского крайисполкома к награждению орденом Красного Знамени начальника Терского окротодела ОГПУ И. Я. Дагина от 16 апреля 1930 г. в качестве главной заслуги Дагина указывалась ликвидация в октябре — ноябре 1929 г. «Церковно-кулацкой контрреволюционной монархической организации “Имяславцы”». Согласно тексту

представления, на территории девяти населенных пунктов Ессентукского, Минераловодского, Прикумского и Арзгирского районов, а также городов Пятигорск и Кисловодск было арестовано 45 чел. «церковно-кулацкого и монашеского элемента» во главе с епископами Варлаамом, Иовом (Яков Афанасьев) и Дмитрием Гдовским, «которые на основе внутренней борьбы среди православных ушли в подполье, образовали нелегальную епархию, являющуюся по существу политической организацией монархического толка». Чекисты «вскрыли» четыре нелегальных скита, в качестве вещественных улик фигурировала «антисемитская агитлитература» и «карточка наследника Алексея с надписью “За что изверги убили ребенка. Смерть Вам”» (Государственный архив РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 836. Л. 2–3).

²³ *Федоровцы* — религиозное течение православного толка, возникшего в начале 1920-х гг. в Воронежской губернии, катакомбная церковь. Название получила по имени основателя — крестьянина Федора Рыбалкина. Федоровцы срывали хлебозаготовки, отказывались от государственных платежей, призывали население к отказу от подписки на займы. Судебные процессы над активом федоровцев прошли в Воронеже осенью 1929 г. и весной 1930 г. См., напр.: *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

²⁴ *Краснодраконовцы* — это название использовалось, как правило, представителями советской власти в отношении групп верующих, близких к «федоровцам». Возникло по причине того, что верующие сравнивали советскую власть с красным драконом Апокалипсиса. 6 июля 1929 г. Антирациональная комиссия при ЦК ВКП(б) приняла решение о высылке в «отдаленные местности до сотни отдельных хозяйств “краснодраконовцев”» за отказ от выполнения государственных обязательств (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 113. Д. 871. Л. 41).

²⁵ См., напр.: *Веденев Д. В.* Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М., 2016.

²⁶ О роли «церковной» агентуры в антирелигиозной деятельности органов госбезопасности см.: *Савин А. И.* Сотрудничество с тайной полицией как специфическая форма политической адаптации верующих в советском государстве (1920–40-е годы) // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2014. № 3 (3). С. 37–47.

²⁷ Документ не выявлен.

²⁸ Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940), один из руководителей органов государственной безопасности СССР, советский партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1934–1939), депутат Верховного Совета СССР (1937–1939). Расстрелян.

²⁹ Тучков Евгений Александрович (1892–1957), на службе в ЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД с 1918 г., с 1922 по 1929 г. — начальник 6-го отделения СО ГПУ — ОГПУ, к компетенции которого относилась борьба с религиозными организациями в СССР. С октября 1922 по ноябрь 1929 г. — секретарь Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) — ВКП(б) (Антирелигиозная комиссия). В 1930 г. — помощник начальника СО ОГПУ, в марте 1931 г. назначен помощником начальника Секретно-политического отдела (далее — СПО) ОГПУ, сохранив за собой пост начальника 3-го (церковного) отделения СПО. До марта 1932 г. — член Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК. С сентября 1932 г. непродолжительное время — заместитель Полномочного Представителя ОГПУ по Уралу. В середине 1930-х гг. — на работе в аппарате Особуполномоченного НКВД СССР, на октябрь 1939 г. — зам. Особуполномоченного НКВД СССР. 10 октября 1939 г. уволен из НКВД со снятием с учета в звании майора ГБ (09.12.1935). Дважды награждался знаком «Почетный работник ВЧК — ОГПУ».

³⁰ Полянский Иван Васильевич (1898–1956), сотрудник органов государственной безопасности, советский и партийный деятель. Член РКП(б) с 1918 г. На февраль 1922 г. — нач. отдела Уфимской губЧК, впоследствии работал во Всебашкирском облотделе ГПУ и ПП ОГПУ по «Д[альневосточному] в[оенному] о[кругу]». С января 1926 г. нач. С[екретно-]О[пертивной] Ч[асти] и зам. нач. Бурят-Монгольского облотдела ПП ОГПУ Сибкрая. В июле 1926 г. откомандирован в ПП ОГПУ по Московской обл. С 1926 г. — пом. нач., с 1930 г. — нач. 6-го отделения СО ОГПУ СССР. В 1929 г. короткое время занимал пост секретаря Антирациональной комиссии при ЦК ВКП(б). С 1 апреля 1933 г. — нач. 3-го (церковного) отделения СПО ОГПУ — НКВД СССР. В марте 1932 г. введен в состав Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при ВЦИК в качестве замены выбывшего Е. А. Тучкова. С 1934 г. — член Постоянной централь-

ной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР. С 1935 г. работал в УНКВД по Ленинградской обл., с февраля 1938 г. — зам. нач. Опер[ативного] о[т]д[ела] УНКВД по Ленинградской обл. В 1942–44 гг. — начальник Транспортного отдела НКВД — НКГБ Октябрьской железной дороги, с 1944 г. — начальник отдела 2-го управления НКГБ СССР. Полковник ГБ (1944). Уволен из МГБ на пенсию в 1948 г. В 1944–56 гг. — председатель Совета по делам религиозных культов при СНК (Совете Министров) СССР. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «Знак Почета», знаком «Почетный работник ВЧК — ОГПУ».

³¹ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), один из руководителей органов государственной безопасности СССР, генеральный комиссар ГБ (26.11.1935). С 1924 г. — зам. председателя, с октября 1929 по июль 1931 г. — 1-й зам. председателя ОГПУ. В 1934–1936 гг. — народный комиссар внутренних дел СССР. Расстрелян.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Савин А. И. Сталинский зигзаг в религиозной политике в свете циркулярного письма № 37 ОГПУ при СНК СССР (март 1930 года) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 3. С. 791–805. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.318>

Сведения об авторе: Савин А. И. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); a_savin_2004@mail.ru

FOR CITATION

Savin A. I. 'Stalin's Turn in Religious Politics in Light of Circular Letter no. 37 of Joint State Political Directorate under the Council of People's Commissars of the USSR (March 1930)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 3, 2018, pp. 791–805. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.318>

Author: Savin A. I. — Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); a_savin_2004@mail.ru

References:

Arhiv Kremlya. Politburo i tserkov. 1922–1925 gg., 2 vols., Comp. N. N. Pokrovskiy, S. G. Petrov (Moscow — Novosibirsk, 1997).

Partei und Kirchen im frühen Sowjetstaat. Die Protokolle der Antireligiösen Kommission beim Zentralkomitee der Russischen Kommunistischen Partei (Bol'seviki). 1922–1929. In Übersetzung hrsg. von Ludwig Steindorff, in Verbindung mit Günther Schulz, unter Mitarbeit von Matthias Heeke, Julia Röttjer und Andrej Savin (Berlin, 2007).

Protokoly Komissii po provedeniju otdelenija cerkvi ot gosudarstva pri CK RKP(b) — VKP(b) (Antireligioznoj komissii). 1922–1929 gg., Comp. V. Lobanov (Moscow, 2014).

Krapivin M. Yu. '„Neobhodimo sdelat vse, chtoby unizit tserkov v glazakh naroda“. Dokladnaja zapiska M. I. Lacisa. 1920 g.', *Istoricheskiy arhiv*, no. 2, 2011.

Khaustov V., Samuelson L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938* (Moscow, 2009).

KPSS v rezoljucijah i reshenijah siyezdov, konferencij i plenumov CK, Part 2. 1925–1953 (Moscow, 1953).

Tumshis M. *VChK. Vojna klanov* (Moscow, 2004).

Shkarovskiy M. V. 'Istinno-pravoslavnye v Voronezhskoj eparhii', *Minuvshee*, vol. 19 (Moscow — St. Petersburg, 1996).

Shkarovskiy M. V. *Iosifljanstvo: techenie v Russkoy Pravoslavnoy tserkvi* (St. Petersburg, 1999).

Beglov A. V. *Poiskah "bezgreshnykh katakomb". Tserkovnoe podpolye v SSSR* (Moscow, 2008).

Vedeneev D. V. *Ateisty v mundirah: Sovetskie spetsluzhby i religioznaja sfera Ukrainy* (Moscow, 2016).

Savin A. I. 'Sotrudnichestvo s tajnoj policiej kak specificheskaja forma politicheskoy adaptacii verujushhix v sovetskom gosudarstve (1920–40-e gody)', *Vestnik Omskogo universiteta*, Ser. "Istoricheskie nauki", no. 3 (3), 2014.